

Дальше – тишина (Матросская)

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ

Как все начиналось

Спектакль по пьесе Александра Галича «Матросская тишина» был поставлен Олегом Табаковым в Школе-студии МХАТ 16 лет назад, затем перенесен в «подвал» на Чаплыгина, прошел здесь более двухсот раз и уже сезонов пять-шесть как снят с репертуара в силу чрезмерной занятости главного исполнителя. До того, то есть до 1988 года, рукопись запрещенной пьесы более тридцати лет лежала у Табакова в столе. В 1956-м Олег Ефремов хотел открыть «Матросской тишиной» театр «Современник». Правда, он выбрал тогда второе авторское название – «Моя большая земля».

К 88-му Володя (или, как чаще его называют, Вова) Машков перешел на третий курс. Был он, правда, постарше своих соучеников, ибо Школа-студия принимала его в своих стенах уже по второму разу (первый раз отчислили за драки). «Старый еврей» Абрам Шварц у Галича, если вдуматься, не так уж и стар. Сколько может быть отцу двенадцатилетнего сына? От силы сорок пять. К финалу пьесы, значит, чуть за полтинник. Однако Табаков выбрал для Машкова острую старческую характерность, множенную на острую характерность еврейскую. Володя сыграл сразу и возраст, и местечковый колорит. Абрам Шварц в «Табакерке» был евреем в квадрате, даже в кубе. Масло масляное.

Кладовщик из затрапезного Тульчина. Не очень удачливый спекулянт. Чаплинская походка – на маленькую машковскую ногу купили башмаки 44-го размера. Жилетка, нарукавники, всклокоченная голова и горящий взгляд под кустистыми бровями. Акцент такой – всех святых выноси. Большой нос приплюсился, губы по-семитски вывернулись наружу. Любит выпить и, присосавшись к стакану, оглушительно чмокает. Вечно теряет носовой платок. Обрушивается на людей, знакомых и незнакомых, словно стихийное бедствие. Хитрый и престоудный, напористый и застенчивый, настоящий, бешеного темперамента, непобедимой витальности страстный иудей.

А именно три страсти владеют кладовщиком из Тульчина Абрамом Ильичом Шварцем. И первая из них – страсть к путешествиям. Ни разу не покинув свою «малую родину», Шварц не может спокойно слышать паровозные гудки и познает мир при помощи открыток, над которыми трясется не хуже скупого рыцаря. Вторая – страсть к музыке. Как слушал свою любимую мазурку Венявского этот дикий человек, заросший до такой степени, что лица не видно! И, наконец, безумная любовь к единственному сыну Давиду, которого Шварц-старший клятвенно пообещал «вывести в люди», не стесня-

Рече. Курьер – 2004 – 15 сент. – 9.
Владимир Машков потратил на «Папу» 2 года работы, 4 миллиона долларов и отказался ради него от контракта в Голливуде

ясь ради высокой цели ни туманами, ни розгами. Конечно, Давид ожесточенно пиликает на своей скрипочке, на своей половинке. Как еще выводят в люди мальчиков из бедных еврейских семей?..

«Нетипичный еврей»

Машков снимал «Папу» два года. Потратил четыре миллиона спонсорских долларов, которые, разумеется, не рассчитывает вернуть. Ради «Папы» отказался от нового голливудского проекта – приглашали партнером Анджелины Джоли во вторую часть «Лары Крофт». Видимо, почувствовал, что Абрам Шварц в высших инстанциях зачтется, а Лара Крофт навряд ли. Интересно, что актер, вполне приспособившийся к миру симулякров, все-таки хочет снимать кино про живого человека.

Готовую картину Машков возил на родину, в город Новокузнецк, где зимой выпалает булгаковский черный снег, а у встречаемых мужиков глаза подкрашены угольной пылью не хуже, чем у балерунов; поклонился могилам родителей – в общем, отдал долги.

Родители работали в театре кукол. Мама – режиссером, папа в труппе. Машков рано осиротел и, может быть, поэтому тема отцов и детей прослеживается в его творчестве достаточно четко. Он был «американским папой» у Шахназарова, несостоявшимся папой – брутальным и сексапильным Толяном – в фильме Чухрая «Вор», кровавым отцом народа – Емелькой Пугачевым – в «Русском бунте» Прошкина. Его режиссерским кинодебютом («Сирота казанская») стала история, где героиня Елены Шевченко, первой машковской жены, разыскивала отца, которого никогда не видела. И, наконец, Машков снимался у своего приятеля Дениса Евстигнеева в фильме под названием «Мама». Мама, папа, сын – собака?..

Что осталось в «Папе» от той, почти уже легендарной «Матросской тишины»? Пре-

жде всего облик Абрама Шварца. Облик, чересчур отдающий театром, но пьеса Галича, изящная, наивная, полуфантастическая в принципе насковозь театральна и, на мой взгляд, мало пригодна для экранизации. Косматая борода, слипшиеся патлы, те же очки и нарукавники, те же вытаращенные слезящиеся глаза. Поверх голливудского фарфора – кривоватый черткий оскал.

Вот только в «Табакерке» Шварц был гомерически смешон. Как сейчас помню сцену, когда Абрам Ильич, вырвавшись из Тульчина, сваливается на голову своему Додик, студенту Московской консерватории. Заявляется в общежитие прямо с вокзала. Ждет проявлений сыновней любви. А глупый мальчик (его играл Евгений Миронов), озабоченный новыми делами и проблемами, папу видеть не хочет. Более того, стесняется такого папы. Что и говорит, Абрам Шварц в столице – воплощенное недоумение. Он тарыхтит без умолку и ежесекундно лезет с поцелуями. Назойливо угощает всех присутствующих черносливом. Называет секретаря консерваторской парторганизации «товарищ с колбасой», а потом с кокетливым провинциальным нахальством просит у него контрамарочку в Большой театр. Но сколь бы комичным ни был Абрам Шварц, драма отца, не нужного собственному сыну, придавливает его, как бетонная плита. Позже все образуется, и Додик опаматывается, он же хороший мальчик, его Додик, но сейчас у Шварца отнялись ноги. Он прямо сам пребывает в удивлении по этому поводу. Надо идти, надо оставить ребенка в покое, не усложнять ему жизнь, но вот ноги, ноги почему-то, как ватные...

В «Папе» Абрам Шварц не смешной. Поначалу даже страшный. Вместо местечкового романтика, жалкого за будлыги, которого никто не боится, Машков играет (точнее, безбожно наигрывает) едва ли не буйнопомешанного. Написал – вся хибара

вверх дном. Лупшует маленького Давида – зверски. «Неужели бывают такие евреи? – возмущенно спрашивал кто-то после просмотра. – Разве евреи валяются под забором? Разве они избивают собственных детей? Это нетипично!..» Но давайте припомним хотя бы Бабеля. В семье одесского биндюжника Менделя Крика, тоже не дурака выпить, не то что отец свое семя – семя отца отдало вусмерть. Книжный народ отличается многообразием типажей, и лишь один из них, слава богу, для нас привычен... Да кстати, сам Володя Машков (не еврей, правда, а католик с итальянскими корнями) – рекордсмен не только по числу разбитых женских сердец, но и по количеству расквашенных физиономий...

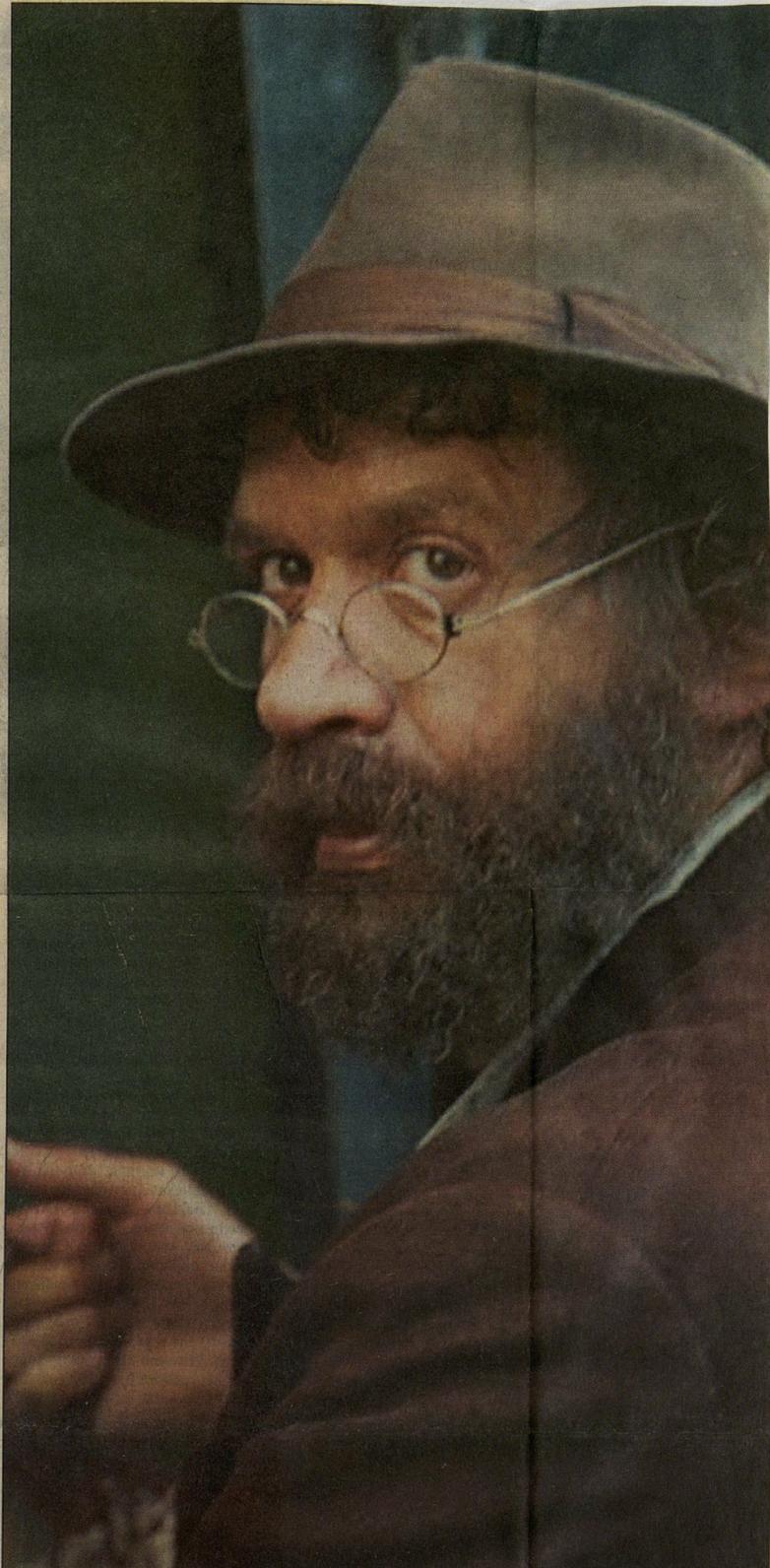
Анна Каренина с бородой

Что еще говорят про «Папу»? Что фильм снят для тех, кто умеет смотреть кино искренне и готов обливаться слезами над вымыслом. Помоему, это комплимент. Ради неискренних зрителей нет смысла работать. Однако, сама отличаясь крайней сентиментальностью, должна честно признаться, что на «Папе» сидела с сухими глазами. Может быть, отплакала свое на «Матросской тишине». Тем не менее «Папа» оставляет невыносимо тягостный осадок. Если бывает сердечная боль сродни зубной, то именно ею маешься потом несколько суток. Спектакль Табакова был построен на эмоциональном контрасте: от смеха – к пронзительной печали. Машков почти не дает возможности повеселиться. Реприза «Абрам Шварц в московском метро» достойна фильма про старика Хоттабыча. Основная аудитория «Папы» уже вышла из того возраста, когда над подобным смеются.

В остальном Машков как будто говорит: это вам не театральная выдумка, это жизнь, а жизнь груба, и Абрам Шварц в этой грубой жизни не может быть обаятельным клоуном. Но пьеса Галича от реальной жизни крайне далека. Это не проза, это поэзия будней. В ней есть нежность, вытравив которую, что за смысл вообще снимать и ставить Галича?

Наследница автора Алена Галич свой договор с продюсерами картины расторгла. Ей не понравилось, что отвергнуты оба авторских заглавия, в титрах указано «по мотивам», а оригинал основательно сокращен. Дочь Галича не намерена судиться, но, по ее словам, оставляет за собой право снять собственную версию «Матросской тишины». Дети знаменитых родителей часто забывают, что все, созданное их папами, принадлежит не только им...

В фильме Машкова, так же, как и в спектакле Табакова, нет четвертого действия пьесы. Где под знаменами XX съезда вступает в жизнь уже третье поколение семьи

Шварцев – Давид-младший. Кроме того, Машков исключил много авторского текста и много подробностей. На чем, безусловно, проиграл.

Каждую ночь почтовым поездом из Тульчина уезжает какая-нибудь еврейская семья. Как правило, в Москву. Почему уезжает? Потому что советская власть отменила черту оседлости. Ясно это из фильма Машкова? Совершенно не ясно. Важно это для него? Абсолютно не важно. Абрам Шварц погибнет в сорок третьем, в гетто. Его сын Додик почувствует на себе советский антисемитизм. Так у Галича. У Машкова вторая часть кулирована.

Понятно, что Машков всячески хотел уйти от еврейского вопроса. Он снимал кино про

отца и сына, чья национальная принадлежность не имеет особого значения. Но обаяние Галича, как и обаяние Бабеля – в патине еврейства. Я искренне недоумеваю, зачем выкинули ароматные слова Галича и написали закадровый текст без вкуса и запаха, скажем прямо – текст бездарный? Все-таки трудно быть сразу и автором сценария, и режиссером, и центральным исполнителем. Трудно, когда никто не смотрит на тебя со стороны.

Мазурку Венявского Машков заменил на Чайковского, Рахманинова, Прокофьева. Как будто боялся, что картина получится недостаточно масштабной. Он вполне эпический. Если Тульчин обозначен цветущим полем подсолнухов да бульжной стеной, возле которой расстреляют впоследствии тульчинских евреев, то картинка предвоенной Москвы нарисована подробно. Светлые одежды, черные «эмки», красные трамваи, «Современник», вернувшийся к своему прасуществованию в качестве кинотеатра «Коллизей», растяжка матча ЦДКА – «Динамо». И фуры с напильником «Хлеб», перевозящие по городу отнюдь не бублики и батоны, а расстрельное мясо...

У Галича все люди хорошие – и русские, и евреи, и музыканты, и конторщики, и секретари партячеек, и беспартийные, и только немецкая армия растоптала эту идиллию. Машкову нужно показать, что по людям проехали разные составы. Вдоль и поперек экран рассекают рельсы. Крутятся гигантские красные колеса, оглушает свист, обжигает пар. У Галича поезд – символ радости. У Машкова – объект утраты, как у братьев Люмьер. Абрам Шварц мечтал странствовать, но ведут его пути, которые он не выбирал. Такая всклокоченная, запойная Анна Каренина, упавшая в своей жизни не под один паровоз...

В загробном мире кладовщик вдруг стал покладистым и тихим – метаморфоза сомнительная. Но все равно, если уж пускать слезу, то именно здесь. Машков снял честное кино, и поскольку он избивает собственную вину перед теми родителями, образ отца к финалу становится все более идиллическим.

Правда сердца для Машкова оказалась важнее правды искусства. Если судить его по законам искусства, он во многом ошибся. Если по законам сердца – то и судить невозможно. Только склонить голову.

Тень отца

Музыку для «Папы» подбирал Владимир Спиваков. И когда Давид Шварц открывает студенческий концерт в консерватории, за кадром звучит скрипка Спивакова. И Додик в детстве – Андрей Розендент – гордость спиваковского Фонда. Мальчик с неправдоподобно тонким, одухотворенным лицом, ледь среди гадких местечковых утят. Они и угадывают в нем чужака, хотя вроде бы свой в